

Цзян Цы с хлопком шлепнул телефон экраном о столешницу и, не глядя, оставил его там — пусть жужжит, как назойливый шмель.

Шан Синьюэ, как и Му Вэньчжо, был настоящим психом.

Цзян Цы поймал себя на мысли, что эта фраза звучит до боли знакомо, словно он повторял её уже сотни раз.

Дождавшись темноты, он в одиночку отправился к мосту с маленькой тележкой, чтобы забрать свои пожитки. Помимо матраса, там оставался огромный запас лапши быстрого приготовления — хватит надолго. Он бы и не стал ничего перевозить, если бы Шан Синьюэ не обнаружил его убежище. Цзян Цы был в ярости: как тот вообще узнал? Ведь в прошлый раз, когда задание было провалено, никто не знал, где он прячется.

Когда Цзян Цы вернулся в съёмную квартиру, был уже час ночи. Раздеваясь на ходу, он направился в ванную и попутно схватил телефон — хотелось глянуть, не появилось ли в общем чате новых сообщений с насмешками над Му Вэньчжо.

Проигнорировав бесконечный поток уведомлений от Шан Синьюэ, он открыл чат.

Действительно, там вовсю обсуждали сегодняшний позор Му Вэньчжо, которого Цзян Цы прилюдно унизил. Все злорадствовали, и это зрелище доставляло ему огромное удовольствие.

Но вот только...

Цзян Цы вышел из чата и замер. Что за невообразимое количество непрочитанных личных сообщений?

Он наугад ткнул в одно из них и увидел поток покаяний и мольбы о прощении. Открыв еще несколько, он понял, что все они — извинения с требованием позволить загладить вину. Многие даже робко интересовались, нельзя ли им получить те же условия искупления, что и у Му Вэньчжо. Цзян Цы оцепенел: что с этими людьми не так?

В общем чате они тайком смеются над Му Вэньчжо, а в личке один за другим ползают на коленях, вымаливая прощение? У них что, раздвоение личности?

Цзян Цы включил душ. Только он собрался положить телефон, как тот снова зазвонил. На экране высветилось имя: Сюй Цэнь.

Он на секунду замер, не решаясь сбросить вызов. Это же главный герой-омега. Хотя Цзян Цы не собирался больше подлизываться к нему, чтобы изменить свою судьбу, лучше было не наживать лишних врагов.

Колеблясь, он ответил:

— Что-то случилось?

На том конце слышался смешок Сюй Цэня:

— Разве я не могу позвонить тебе просто так?

Цзян Цы уже хотел сбросить — не хватало еще тратить время на пустые разговоры, — но Сюй Цэнь продолжил:

— Ты видел сообщение от старосты? Класс хочет устроить встречу выпускников. Я звоню узнать, пойдешь ли ты. В конце концов, староста в свое время нам немало помог.

Цзян Цы припомнил: да, староста действительно сильно поддерживал их отношения с Сюй Цэнем. Раньше он бы, возможно, и согласился, но теперь, когда он банкрот и опозорен на всю округу, идти на встречу — значит стать посмешищем.

— Без меня, — сухо ответил он.

У него не было никакого желания выступить в роли цирковой обезьянки.

— Говорят, староста только оправился после тяжелой болезни. Я хочу сходить, проведать его, да и не хочется портить ему настроение своим отсутствием, — туманно добавил Сюй Цэнь.

Цзян Цы нахмурился. Его решимость пошатнулась.

— Тогда я тоже загляну.

— Отлично, завтра я зайду за тобой.

— Разве ты не можешь пойти с кем-то другим? — Цзян Цы не слишком-то хотел с ним видаться.

— Му Вэньчжо или другие твои ухажеры...

Любой из них выглядел бы куда презентабельнее, чем он. Ему бы просто тихо проскользнуть внутрь и посмотреть.

На том конце провода помолчали, словно подбирая слова, а затем раздался спокойный голос:

— Нет. Если мы встретимся с Му Вэньчжо, мы только передеремся.

Цзян Цы удивился:

— Почему?

Даже если Му Вэньчжо сменил объект обожания, это не повод считать Сюй Цэня заклятым врагом.

— Как-никак мы соперники в любви. К тому же я когда-то владел тобой, и он мне завидует, — Сюй Цэнь довольно рассмеялся.

Цзян Цы: ...?

Он тут же отодвинул телефон от уха с крайне странным выражением лица.

— Завтра я приду, — отрезал Сюй Цэнь и отключился.

Цзян Цы так и остался стоять, пребывая в полном замешательстве. Кто кому завидует? Му Вэньчжо завидует Сюй Цэню? В голове была каша. Он думал, что послушание Му Вэньчжо — это предел, но ревность к Сюй Цэню... это звучало так же нелепо, как и слова Му Вэньчжо о любви с первого взгляда.

*

На следующее утро Цзян Цы еще не успел проснуться, как зазвонил дверной звонок.

Только половина седьмого. Почему Сюй Цэнь так рано? Встреча выпускников ведь в полдень?

Слипающимися глазами он поплелся открывать дверь.

На пороге стоял Шан Синьюэ. Увидев Цзян Цы в таком незащищенном виде, он чуть прищурился, и его губы тронула изящная улыбка:

— Доброе утро, Сяо Цы. Я принес тебе завтрак.

Цзян Цы отпустил ручку двери и поплелся обратно вглубь квартиры:

— Почему это ты?

Шан Синьюэ услужливо закрыл за собой дверь и последовал за ним, прищурив глаза:

— Что значит почему это я? Или кто-то еще собирался прийти в такую рань?

Цзян Цы, еще не до конца придя в себя, что-то невнятно буркнул.

Шан Синьюэ не унимался:

— Кто? Кто? Му Вэньчжо? Или мой брат? Нет, мой брат сейчас по горло в делах, это вряд ли.

Цзян Цы бросил на него взгляд, подумав, какой же Шан Синьюэ назойливый.

— Сюй Цэнь. Мы сегодня идем на встречу выпускников.

Шан Синьюэ приподнял бровь:

— Тот самый, с которым ты крутил роман?

Цзян Цы снова хмыкнул. Звучало странно — впервые кто-то сказал это в таком ключе, раньше всегда говорили наоборот.

— Пришел так рано, явно замышляет что-то недоброе, — усмехнулся Шан Синьюэ.

Цзян Цы покосился на него:

— А сам-то? Приперся в такую рань, — и еще смеет рассуждать о чужих намерениях.

С присутствием Шан Синьюэ сон как рукой сняло. Цзян Цы зевнул и направился в ванную, а Шан Синьюэ тут же увязался следом.

Только войдя в ванную, Цзян Цы понял, что что-то не так:

— Ты чего идешь за мной? Выйди, я буду мыться.

— Мы же оба мужчины, давай вместе примем ванну, — Шан Синьюэ обнял его за плечи и потащил к ванне.

Цзян Цы, конечно, не поверил ни единому его слову и попытался вытолкнуть его прочь.

Шан Синьюэ даже не шелохнулся. С многозначительной улыбкой он внезапно крепко сжал самое уязвимое место Цзян Цы.

Тот вмиг окаменел. Даже самый сонный мозг прояснился бы в такой ситуации — ни один человек не сохранит спокойствие, когда его жизнь и достоинство оказались в чужой власти. Румянец залил уши, шею и даже ключицы.

В уголках глаз Цзян Цы блестели слезы от недавнего зевка. Сквозь пелену он в упор смотрел на Шан Синьюэ, который сиял, словно распушивший хвост павлин, и процедил сквозь зубы:

— Отпусти!

Шан Синьюэ слегка надавил. Увидев, что Цзян Цы вот-вот взорвется, он с улыбкой предложил:

— Давай я помогу тебе, а? Разве это не нормально, когда мужчины помогают друг другу?

— Пошел ты к черту, — выплюнул Цзян Цы.

Из уст Шан Синьюэ это звучало донельзя лицемерно. Он изо всех сил попытался оттолкнуть руку, лежавшую на его плече, но сил не было — пальцы лишь бессильно сжимали крепкие мышцы противника.

Все внимание было сосредоточено на источнике ощущений. Цзян Цы крепко зажмурился, пытаясь сдержать накатывающие волны удовольствия, и продолжал прерывисто ругаться:

— Шан... Синьюэ, ты... бесстыдник... гребаный гей... рано или поздно ты подцепишь...

Шан Синьюэ смотрел на его лицо, искаженное попыткой сопротивляться, и глаза его потемнели. Одной рукой он подхватил Цзян Цы и усадил на столешницу, а другой придерживал его изогнутую спину, поглаживая сквозь тонкую ткань футболки.

Цзян Цы закрыл глаза, терпя, и это дало Шан Синьюэ преимущество. Он наклонился и принялся медленно целовать его, двигаясь от подбородка вверх. Ругань Цзян Цы лишь распаляла его еще сильнее.

— Я хочу только тебя. Я чист, как стеклышко, не веришь — проверь сам.

Через ткань было уже недостаточно. Шан Синьюэ снова крепко сжал его.

Цзян Цы боялся пошевелиться. Дыхание сбилось, в глазах туман. Он обмяк, едва удерживаясь на столешнице, и вцепился в руку Шан Синьюэ так, что у того на предплечье вздулись вены.

Шан Синьюэ с улыбкой наблюдал за порозовевшей, влажной кожей. Ему хотелось оставить глубокие следы зубов, чтобы пометить его как свою собственность, но он не мог позволить Цзян Цы почувствовать боль. Каждая реакция Цзян Цы отдавалась дрожью в его собственных нервах.

— Мой брат ведь не целовал здесь, верно? — Шан Синьюэ чмокнул его в шею, оставляя метку, и победоносно поднял взгляд.

Цзян Цы сверлил его яростным взглядом. Эмоции били через край, уголки глаз покраснели. Собрав последние силы, он с размаху влепил Шан Синьюэ пощечину, целясь в самое болезненное место:

— А если целовал? Ты разве не видел? В тот вечер... в кабинете... на ковре... ты же все видел своими глазами?

Цзян Цы самому было стыдно это произносить, а уж тем более приукрашивать, но раз уж

начал — пришлось идти до конца. Раз Шан Синьюэ не дает ему покоя, он не даст ему услышать то, что тот хочет.

От силы удара голова Шан Синьюэ дернулась в сторону, на щеке проступил яркий отпечаток ладони. Он замер, словно опешив или накапливая ярость, и рука, сжимавшая Цзян Цы, на мгновение ослабла.

Цзян Цы, наплевав на последствия, попытался сползти со столешницы, но поясницу снова придавила горячая ладонь.

— ...Врешь.

Цзян Цы вздрогнул от боли в боку. Шан Синьюэ, казалось, даже не заметил пощечины. Он жестко прижал его к себе и снова сомкнул пальцы.

Шан Синьюэ склонился к самой шее Цзян Цы и прошептал:

— Я знаю всё до мельчайших подробностей. С того момента, как старший брат вызвал тебя в кабинет, и до того, что вы там делали.

В голове у Цзян Цы стало пусто. Неужели Шан Синьюэ всё рассказывает своему брату? У него что, какие-то особые наклонности?

Следующая фраза Шан Синьюэ ответила на вопрос:

— Я тайно просмотрел записи с камер в кабинете. Сяо Цы, ты специально хотел меня разозлить.

— Почему? Тебе не понравилось?

Шан Синьюэ покорно поднял на него глаза. С точки зрения Цзян Цы, его изящные, дерзкие черты лица, подчеркнутые двумя родинками под глазами, выглядели сейчас особенно жалко и растерянно. Словно это его только что жестоко обидели.

Шан Синьюэ, притворно слабый, но полный упрямства, обиженно пробормотал:

— Но я видел, как тебе было хорошо с братом. Я тоже могу заставить тебя издать такие звуки.

Цзян Цы на мгновение завис, приходя в себя от боли и стыда. Да кто тут кого обижает?!